

Структура слова и норма

© З.К. ТАРЛАНОВ,

доктор филологических наук

В статье исследуется префиксальное словообразование глаголов в русском литературном языке пушкинского периода с точки зрения его соответствия языковой системе, норме и стилю.

Ключевые слова: русский язык, пушкинский период, система, норма, развитие, синтагматика, семантика, стиль, публицистика.

The article inquires into verb prefix word-building patterns in Pushkin period literary Russian. The problem is treated essentially from the viewpoint of style, standard and a whole linguistic system conformity as well.

Key words: Russian, Pushkin period, system, standard, development, syntagmatics, semantics, style, journalism.

По сложившейся отечественной научной традиции, которая изначально была обусловлена своеобразием исторической судьбы русского литературного языка, центральное место при обсуждении проблем его истории в XVIII–XIX веках занимал анализ лексики с точки зрения ее происхождения и функционально-стилистической локализации. В этой традиции грамматические уровни языка – морфология и синтаксис – всегда занимали периферийные позиции, выступая в качестве предмета изучения не столько теории и истории литературного языка, сколько теории и истории языка в целом.

Именно такое понимание задач истории русского литературного языка было задано уже в филологических трудах основоположника науки о русском языке М. В. Ломоносова – в его «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757), в котором вся лексика русского литературного языка середины XVIII века была разделена, как известно, на «три рода речений»: 1) на общеупотребительные «у древних славян и ныне у россиян», 2) на те, «кои обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны», 3) на те, «которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах» [1. С. 395–396].

Эти три генетически разграниченных пласта слов в различных их сочетаниях и составляли фактическую базу трех стилей русского

литературного языка нового времени, выделенных М. В. Ломоносовым в результате проведенной им стилистической реформы. Что касается других норм стилей – грамматических, орфоэпических, орфографических, – то они были разбросаны по соответствующим разделам его «Российской грамматики» (1755), оставаясь несистематизированными [2].

Иное понимание литературного языка как образцового, как более тонкого инструмента, не сводимого только к лексике, позже было предложено Н. М. Карамзиным (1795), согласно которому язык даже с «миллионами слов своих» может оставаться бедным, если он не способен передавать нюансы, оттенки во всей их «простоте и сложности» [3] и которые выражаются всеми средствами языка на разных его уровнях.

В разные периоды истории литературного языка возникали разные задачи. Специфичны они были и для литературного языка первой трети XIX века [4]. С одной стороны, как традиционные, так и вновь складывавшиеся в это время стили литературного языка, включая и критико-публицистический, в главных своих проявлениях были в той или иной мере уже упорядочены в плане лексического наполнения и синтаксического оформления. С другой стороны, оставались и такие сегменты языка, которые остро нуждались в грамматическом и стилистическом регулировании. К ним относилось, в частности, и словообразование, не только именное, которому были посвящены специальные наши статьи, выполненные на материале текстов прижизненной критики Пушкина [5–8], но и глагольное. Задача предлагаемой статьи состоит в том, чтобы рассмотреть на материале текстов той же прижизненной критики Пушкина существенные моменты глагольного словообразования в их отношении к действовавшей или складывавшейся норме критико-публицистического стиля русского национального литературного языка..

Наиболее общее положение, характеризующее состояние аффиксального глагольного словообразования русского литературного языка в первой трети XIX века по данным текстов прижизненной критики Пушкина, может быть сформулировано следующим образом: семантика целого ряда серийных групп глагольных суффиксов и префиксов во многих случаях остается диффузной и удаленной от конкретной функциональной нацеленности. Их синтагматика еще расплывчата и только-только прорисовывается в движении к статусу нормы. Многие из них языковым сознанием воспринимались как варианты, хотя это и противоречило актуализируемой ими семантике. Благодаря этому сочетаемость производных аффиксальных глаголов в рассматриваемый период обладала большей свободой по сравнению с их сочетаемостью в более позднем литературном языке, в котором она была заметно ограничена по требованиям нормы.

Проиллюстрируем это на материале, по необходимости рассматриваемом в феноменологическом аспекте.

В первой трети XIX века относительно регулярны случаи смешения многих глагольных приставок. Однако оно не воспринималось как отклоняющееся от языковой системы в силу их семантической сближенности, ср.: 1) приставка *о-* замещается приставкой *у-*: «Люди, одаренные слишком пужливою совестью, могут, упираясь на остроумное изречение г. В., подумать...» [9] (заметим, что *у-пираясь на...* употребляется реже, чем *о-пираясь на...*); 2) или наоборот: приставка *у-* замещается приставкой *о-*, хотя и в другом морфемном сочетании: «Всякая теперь преодоленная трудность избавляет от труда после и опрастывает дорогу прочим» [10], ср. книжное *упрощает*; 3) примечателен и активно используемый инфинитив *упасть* с префиксом *у-* в значении «упасть в цене» вместо утвердившегося позже в качестве литературной нормы нулевого аффикса в этой форме и в этом значении, а также в значении *упасть (на, во что)*: «Для нескольких стихшков Байрона, которые и без того скоро расходились по рукам и перепечатывались, никто не хотел подписываться на пустой и детский журнал, и он стал гаснуть и упасть» [11]; «Нежно беседует он с юным Ротмиром, сделавшимся пустынным, и, как Божий гром, упадет на беспечный стан печенегов, <...> пробуждает Людмилу и вместе с нею упадет в объятия Владимира» [12].

Часто вместо приставки *из-* используется приставка *вы-*, характеризующая общей семой исчерпанности действия, хотя и отличающаяся от первой несопадающими парадигматическими отношениями: «[Классик] Нельзя не пожалеть, что он много пишет; скоро выпишется...» [13]. Устаревшее *вы-пишется* употреблено вместо *ис-пишется*. Сема исчерпанности действия, выражаемая приставкой *вы-*, осложнена первичным пространственным подзначением, и этим в выразительном плане уступает той же семе, реализуемой приставкой *ис-*. Ср. также: «Можно решительно сказать, что в этой поэме нет ничего поэтического, выключая (ср. исключая) вступления и красоту стихов, везде и всегда свойственную Пушкину» [14].

Показательна также очевидная вариативность префиксов в глаголах *заплатить* и *оплатить*: «Как бы то ни было, за стихи “Бахчисарайского фонтана” заплачено столько, сколько еще ни за какие русские стихи заплачено не было» [15]. Приставка *за-* выражает законченность действия без объемной его характеристики, приставка же *о-* придает глагольному действию объемность и полноту, характеризуя его как охваченное, обнимаемое с разных сторон. В общетеоретическом плане аналогичны и случаи взаимозамещения приставок *вы-* и *от-*: «Элегии Пушкина не прелестные игрушки, но горячий выпечаток минутного ощущения

души, минутного вдохновения уныния – и вот чем они прелестны!» [16] (ср. *отпечаток*); «В прежние годы, когда он сам был помоложе и поретивее, у него отделен был особенный день в неделе, который посвящался исключительно грамотеям и писакам» [17. С. 68]. Примечательно и функционирование приставки *пре-* в значении приставки *обо-*: «Наконец, не должно прейти (ср. обойти. – *З.Т.*) молчанием посвящение поэмы, где выразительное удержание одним словом “тебе” так много говорит для сердца» [18].

В рассматриваемый период русского литературного языка вполне обычным являлось и регулярное употребление в производных глаголах книжной приставки *со-* вместо фонетически закономерной приставки *с-*, что опять-таки подтверждает тезис о большей открытости критико-публицистического стиля первой трети XIX века для традиционных, традиционно-книжных языковых средств, чем для новых: «... нельзя, однако же, слегка не упомянуть о том, что часто мысль сия, принятая за истину и соделавшаяся общим местом, повторяется без основательности...» [19]; «... чтобы имя его, доселе еще негромкое.., соделалось известным...» [20]; «Он (Ламартин. – *З.Т.*) соделался у нас Корнелием Непотом романтических школьников...» [21]. Но ср.: «Они собирают с себя оброчную годовую дань и кладут в альманах не даром, а для оборота, долженствующего дать новые проценты их литературной славе» [14].

С точки зрения утвердившейся в более позднем литературном языке нормы необычно и употребление приставки *раз-* в значении приставки *при-* в следующем случае: «Поэма вообще, кажется, имеет не одно, но два содержания, которые не слиты вместе, но являются каждое отдельно, развлекая (ср. привлекая) внимание и чувства на две различные стороны» [Там же]. У Киреевского морфема *раз-* в приведенном случае использована в том самом значении, которое она реализует в глаголах *разделять*, *разводить*, ср. фразу в преобразованном виде: «Поэма вообще, кажется, имеет не одно, но два содержания, которые не слиты вместе, но являются каждое отдельно, разделяя (разводя) внимание и чувства на две различные стороны».

Обращает на себя внимание употребление приставки *вы-* в значении приставки *пере-*: «Это тот кот-самобай, знаменитый в русских сказках. Далее следует вычисление чудес, известных нам из сказочных преданий» (ср. *перечисление*. – *З.Т.*) [22]. Аналогично функционирование приставок *с-* и *по-*, которые в речевой практике предстают как взаимозаменяемые: «Иное дело шутить над сочинением эпиграмму, в которой никто не ищет истины» [23]. Так же обстояло дело и с употреблением приставки *на-* в значении приставки *при-*: «С одной стороны, превращают ее (поэзию. – *З.Т.*) в простое механическое стихотворство люди, которые почитают себя поэтами потому только, что навыкли в ремесленной

части поэзии...» [24]; «Жаль только, что наш развенчанный герой еще не довольно навыв в новом деле» [25]. Здесь глагол *навывать* использован в значении «приучаться опытом, получать навыв к чему, набивать руку:» [26]. В том же ряду стоит и приставка *пере-* вместо приставки *пре-* «Одна дама, сидевшая подле хозяйки, перервала мои мысли, перервав речь ученого» [17. С. 70].

В завершение обзора укажем и на а) использование префикса *у-* в значении префикса *по-*: «Гленский молчал, утупив глаза в тарелку» [Там же]; глагол не отмечен в МАС; б) постановку приставки *на-* вместо ожидаемого префикса *со-*: «Яркости цветов, жизни хотел он — и потому старался наблюсти эту цель в самом образе рассказа?» [27]; в) отсутствие приставки там, где она должна быть (нуль приставки вместо приставки *о-*, *с-*): «Я отнюдь не сетую на то, что умственные труды уже платятся у нас дороною ценою» [28. С. 43]. «Мы никогда не думали, чтоб нам пришлось низойти до ничтожного звания статечных критиков...» [Там же. С. 45]; г) употребление приставки *воз-* вместо приставки *по-*: «Я отнюдь не сетую на то, что умственные труды уже платятся у нас дороною ценою; но не могу не чувствовать и не сказать, что самое возвышение этой цены, возвышение быстрое и непомерное, должно было нанести чувствительный удар и этого рода промышленности, и товару, которым она торгует, словесности...» [Там же. С. 43].

Таким образом, одним из важнейших направлений в процессе создания критико-публицистического стиля, как и национального литературного языка в целом, в рассматриваемый период выступало упорядочение функциональных и сочетательных параметров средств не только именного, но и глагольного слово- и формообразования. Что касается непосредственно глагольного словообразования, то здесь еще не была преодолена семантическая размытость префиксов, которая обычно характеризует не литературный, а народно-разговорный язык. Внешне совпадавшие морфемы, встречавшиеся в составе разноуправляющих глаголов, а потому реализовавших разные значения, в языковом сознании еще не были строго разграничены (ср.: *упираться во что* и *опираться на что*, *оплатить что* и *заплатить за что*, *выключить что* и *исключить кого — что*, *выпечаток* и *отпечаток* и др.). Этимологически первичные пространственные значения, лежавшие в основе глагольной префиксальной семантики, как бы образуя их общий знаменатель, в реальном речевом употреблении демонстрировали развитие в разных направлениях. Поэтому столкновение архаичного этимологического значения с новым, актуальным значением — это одна из причин расхождений между системой и нормой литературного языка в рассматриваемый период. Задача состояла в том, чтобы привести норму в соответствие с системой. Эта задача была успешно решена в последующей русской речевой практике

середины – второй половины XIX века. Функционально-семантически усредненное употребление приставочных глаголов было вытеснено точным и нюансированным их использованием в соответствии с коммуникативными целями говорящего и общим содержанием речи.

Литература

1. *Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Михайло Ломоносов. Избранная проза / Составление, вступительная статья и комментарий В. А. Дмитриева. М., 1980.
2. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб., 1755. С. 52–55, 80–85.
3. *Карамзин Н. М.* О богатстве языка // Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982.
4. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 208–249.
5. *Тарланов З. К.* Относительные прилагательные и абстрактные субстантивы в русском литературном языке XIX века // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 49. С. 98–103.
6. *Тарланов З. К.* Заметки о русском литературном языке Пушкинской Поры // Русская речь. 2013. № 5. С. 68–103.
7. *Тарланов З. К.* К истории норм литературного языка пушкинского периода (Род и число) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Серия 9. Вып. 3. С. 149–154.
8. *Тарланов З. К.* Интуиция и языковая норма // Русская речь. 2016. № 4. С. 75–81.
9. *Перовский А. А.* Замечания на разбор поэмы «Руслан и Людмила», напечатанный в 34, 35, 36 и 37 книжках «Сына отечества» (Письмо издателю) // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 75.
10. *Дмитриев М. А.* «Евгений Онегин», роман в стихах // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 49.
11. *Булгарин Ф. В.* // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 83.
12. *Воейков А. Ф.* Разбор поэмы «Руслан и Людмила», соч. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 52
13. *Вяземский П. А.* Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 152.
14. *Киреевский И. В.* Нечто о характере поэзии Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 78.
15. *Вяземский П. А.* О «Бахчисарайском фонтане» не в литературном отношении // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 189.

16. *Вяземский П. А.* Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 253.
17. *Надеждин Н. И.* «Борис Годунов». Соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833.
18. Из журнала «Атеней». «Полтава», поэма А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 153
19. *Волков П. Г.* «Борис Годунов», соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 44.
20. Из «Литературных листков» // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 191.
21. *Мещерский Е.* «О литературе русской». Речь, произнесенная в Атенее марсельском, в заседании 26-го июня 1830-го года. Статья II // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 150.
22. *Сомов О. М.* «Руслан и Людмила», поэма Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 85.
23. *Шаликов П. И.* «Евгений Онегин». Глава VII // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 249.
24. Из «Северной пчелы». «О “Борисе Годунове”, соч. А. Пушкина, разговор» // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 91.
25. *Надеждин Н. И.* «Северные цветы на 1830 год» // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 220.
26. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
27. *Средний-Камашев И. Н.* Еще о «Борисе Годунове», стихотворении А. С. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 116.
28. *Сенковский О. И.* «Новоселье». Книга вторая // Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837.

*Северный филиал Российской правовой
академии Минюста
Петрозаводск*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Русский литературный язык пушкинского периода: становление критико-публицистического стиля», № 15-04-00023/15.